

ніа» (als Frucht seiner Lehre). Еще лучшимъ памятникомъ, лучшимъ свидѣтельствомъ изумительной виртуозности Листа служить его собственныя произведенія, самая фактура которыхъ уже показываетъ, что они написаны колоссальнымъ піанистомъ. Громадная масса листовскихъ фортепіанныхъ переложеній своихъ и чужихъ произведеній, всѣ его оригинальныя фортепіанныя пьесы служатъ лучшимъ мѣриломъ степени его виртуозности. Большая часть его произведеній требуетъ отъ исполнителя совершеннѣйшей техники и многія изъ нихъ по однимъ уже техническимъ трудностямъ доступны лишь для первоклассныхъ піанистовъ, которыхъ можно перечислить по пальцамъ. Но и преодоленіе техническихъ трудностей далеко не выполняетъ всѣхъ условій для вѣрнаго исполненія листовскихъ произведеній; сколько нужно вкуса для всѣхъ смѣлыхъ фортепіанныхъ эффектовъ, изобрѣтенныхъ Листомъ; сколько граціи и поэтичности для передачи всѣхъ тонкостей мечтательнаго романтизма, которымъ проникнуты его произведенія, сколько энергіи для выраженія его страстности, сколько разносторонней воспріимчивости для воспроизведенія разнообразныхъ впечатлѣній, внесенныхъ имъ въ свои музыкальныя концепціи. Вникая въ характеръ фортепіанныхъ произведеній Листа, приходится изумляться не только необыкновенной разносторонности его творчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ разносторонности его таланта-исполнителя, являющагося какимъ-то всеобъемлющимъ, заключающимъ въ себѣ самые разнородные оттѣнки характера исполненія. Если Листа называютъ геніальнѣйшимъ исполнителемъ чужихъ произведеній, то какимъ-же изумительнымъ исполнителемъ являлся онъ въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ, служившихъ выраженіемъ его собственныхъ чувствъ, ощущеній, идей. Понятно, что онъ подчинялъ себѣ слушателей, безгранично властвовалъ надъ своей аудиторіей и безспорно былъ величайшимъ изъ піанистовъ: такъ говорилъ о немъ напр. Таузигъ, ¹⁾ лучшій изъ его учениковъ и справедливо считавшійся первымъ піанистомъ послѣ Листа. Не смотря на совершенство виртуозной техники Таузига, не смотря на его замѣчательную талантливость и музыкальную эрудицію и для этого превосходнаго піаниста преодоленіе нѣкоторыхъ произведеній Листа представляло большой трудъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ по поводу листовской фантазіи на тѣмъ моцартовскаго «Донъ-Жуана»: «Долго я не могъ преодолѣть эту вещь, пока наконецъ она мнѣ не удалась послѣ новыхъ и новыхъ переучиваній

1) См. Die grossen Pianoforte-Virtuosen unserer zeit von W. Lenz.